

Сергей Бирюков
Атлантида авангарда

Нырок шестой
Футуристическая флейта Бенедикта Лившица

Бенедикт Лившиц выпустил первую книгу стихов «Флейта Марсия» в 1911 г. И был встречен одобрительными откликами В. Брюсова, Н. Гумилева, С. Городецкого. По этой книге было видно, что киевский студент внимательно читал французскую поэзию и русских символистов, и сумел выработать собственный стиль — пряный, артистичный. Его понимание мифологии было близко тем представлениям, которые уже сложились в символистской поэзии. Сам он определял свой ориентир на античность, как проникновение «в область довременного и запредельного»¹. Артистичность вживания в мифологические образы и пластика стиха, роднящая Лившица с Блоком, останавливала внимание самого взыскательного читателя.

Символизм входил в пик. В лице Лившица он мог обрести еще одно оправдание всей предшествующей титанической и во многом черновой работе. Таким оправданием недавно стал Игорь Северянин. Хотя ему и пеняют за неразборчивость вкуса.

Лившиц не оправдал надежд, если таковые у кого-то были. Вскоре пришло, по его собственному определению, ощущение «духоты» и «тустика»². Начался поиск выхода. Этот выход для всего пост-символистского времени намечался в усилении экспрессии, условно говоря, в неназванном тогда в российской ситуации экспрессионизме. Практика символизма показала, что слишком прямое слово, пусть и «назначенное» быть символом, не годится для выявления называемого, запредельного.

© Sergei Biriukov, 2011 (Продолжение, начало см. TSQ 27, 29, 31, 32, 33).

© TSQ 36. Spring 2011 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Лившиц Б. Полудураглазый стрелец. Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Сост. Е. К. Лившиц и П. М. Нерлера. Подг. Текста и коммент П. М. Нерлера и А. Е. Парниса. — Л.: Советский писатель, 1989. — с. 549.

² Там же, с. 550.

И вот — с одной стороны — началась работа со словом как таковым, с другой — работа с «психологическим» словом, то есть с нюансами, приращениями смыслов. Тут было много точек пересечения, но не меньше и расхождений. И тогда в первой группе окажутся Хлебников, Крученых, Маяковский, Каменский, а во второй — Ахматова, Гумилев, Зенкевич, Мандельштам, Нарбут, Лившиц. Но раньше других здесь будет Анненский.

На таком фоне Б. Лившиц принимает участие в создании будетлянской (футуристической) группы «Гилея». « <...> Несмотря на все, что меня отделяло, например, от Крученых и Маяковского, мне с будетлянами все-таки было по пути»³, — писал Лившиц в автобиографии, а дальше следовало большое «Но» и фрагмент стихотворный:

Шаманов и криве-кривейто
Мне оставался чужд язык,
И двух миров несходных стык
Разрушил я свою флейтой...

Разрушить-разрушил, но кое-что осталось, помимо изящно перенесенной частицы «ль» в сонете-акrostихе «Николаю Кульбину» (одному из лидеров тогдашнего авангардного движения):

Умолк и ждет и знает, что едва
Ль поверят фавны правде календарной...

или в стихотворении «Бык»:

Это в шутку, иль опасно?
Замирают веера...
Он за красным! Он за красным!
Браво, браво, браво, бра...
А!..

Впрочем, все это, так сказать, легкий футуризм, который исповедывали иронические поэты, печатавшиеся в журнале «Сатирикон». Лившиц прекрасно чувствовал форму и недаром стал блестящим переводчиком. Из-за этого чувства формы, думается, его не мог увлечь акмеизм, где тон задавал Гумилев, порой несколько глуховатый на слово в собственных стихах. Для Лившица же формальная изошренность была просто обязательной программой. Чтобы не ставить здесь точки, приведем виртуозное «Скорпионово рондо»:

---

³ Там же.

Не вея ветром, в часе золотом
Родиться князем изумрудных рифов
Иль псалмопевцем, в чьем венке простом
Не роза — нет! — но перья мертвых грифов,
Еще трепещущие от истом.
Раздвинув куст, увидев за кустом
Недвижный рай и кончив труд сизифов,
Уснуть навеки, ни одним листом
Не вея...
О, мудрость ранняя в саду пустом!
О, ветер Гилеи, вдохновитель скифов!
О, веер каменный, о, тлен лекифов!
Забудусь ли, забуду ли о том,
Что говорю, безумный хризостом,
Неве я?

Футуристическая «Гилея» была для Лившица прежде всего содружеством молодых сил, направлением поиска новой выразительности, где тон задавал Давид Бурлюк и его братья. В новейшей живописи Лившиц увидел колоссальный рывок к выражению невыразимого. В самом же поэте рано обозначилась непреодолимая тяга к «словообороту», то есть к той экспрессии слова, которая, по его мнению, давала возможность пробиться к истине. В этом смысле он был не только заодно с Хлебниковым, но и заодно с Крученых, которого Лившиц просто не переносил, считая кривлякой. Но путь Лившица был другим: он верил в регулярный стих, как в богоданность, и полагал, что лишь внезапное столкновение слов в твердом каркасе стиха может вызвать ту искру, которая просветит бытие до дна. Недаром его в начале 30-х годов так привлекала Грузия:

Когда за диким перевалом,
Не понимая ничего,
Мы видим в блеске небывалом
Рожденье Слова самого.

Слово, конечно евангелистическое, как оно явлено в святом благовествовании от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Драма Лившица была в том, что он, по собственной воле обретший христианство, мог его потерять:

Как мне дано, живу, пою по слуху,
Но и забывши прежнюю звезду,
К Отцу, и Сыну, и Святому Духу
Я вне земного времени иду.

Это обретение. А вот и страх потери:

И если я свой дольний стих
Всегда слагал во славу Божью,
Не опорочив уст моих
Люциферической ложью, —
На страшном для меня суде,
Приближен к лирному Синаю,
В богоявленной череде
Я лиру милую узнаю.
Но если в мире я нашел
И пел лишь хаос разделенья,
Одни разрозненные звенья
Да праздных радуг производ, —
К немотствующему туману
Вотще я слухом стану льнуть
И, отрешен от лиры, кану
В прамусикийский Млечный Путь.

Такой «итог» Бенедикт Лившиц подводит в 1919 году, двигаясь все дальше в сторону «ясности», но так и не обретая ее. Ибо «ясность» лежит в других пределах, где искусству, вероятно, действительно нет места. И, находясь в пределах искусства, можно лишь молить:

Но если, Господи, недаром
Среди осенних позолот
Его особенным загаром
Ты отмечаешь каждый плод,
Не осуди моей гордыни
И дай мне в хоре мировом
Звучать, как я звучал донине,
Отличным ото всех стихом.
(«Ни в сумеречном свете рая...»)

Но как русский поэт Лившиц не может удовлетвориться тем, что ему дано, полагая, что это искус, а подлинное лежит за пределами данности. Так неожиданно сходятся два полюса бюджетянства, условно говоря, Крученых и Лившиц. Тот и другой заглядывали ЗА, только в разные стороны смотрели. И в области «непонятности» они черпали полными горстями великое ЗАУ. Только один (Крученых) свои ощущения суммировал в экстатических выкриках или просто брал «Верую» и оставлял одни гласные, называя это «Высоты», кото-

рые вполне молитвенны, даже если не знаешь, что это молитва. А другой (Лившиц) сходные ощущения чеканил стихотворным шифром, и вовсе не для любителей рассекречивать стихи (хотя сам иногда пытался рассекретить, как в случае со строчками из стихотворения «Тепло»: «Вскрывай ореховый живот, // Медлительный палач бушмена...»); вроде бы это мать Бурлюков Лидия Иосифовна — выдвигала ящик орехового шкафа! Не издевка ли над будущими интерпретаторами, пусть и было так на самом деле...).

Вскрывай ореховый живот,
Медлительный палач бушмена;
До смерти не растает пена
Твоих старушечьих забот.

Из вечно-желтой стороны
Еще не додано объятий —
Благослави пяту дитяти,
Как парус, падающий в сны.

И мирно простираясь ниц,
Не знай, что за листьями канув,
Павлиний хвост в ночи курганов
Сверлит отверстия глазниц.

Помня, что стихи читают люди, хоть что-то читавшие, видевшие, имеющие определенный ассоциативный набор, Б. Лившиц не мог, конечно, думать, что его строки будут понятны многим. Для «многих» они оказались заумью, почище крученыховской.

О том, насколько важны были для Лившица годы бюджетлянства, при всех расхождениях с участниками движения, свидетельствуют его письма к Д. Бурлюку, которому он писал в 1925 г.: «Сколько раз мысленно сопоставляя мое нынешнее литературное окружение с боевой обстановкой, в которой мы с тобою три года работали бок о бок, я испытывал чувство неподдельной горечи, вызывавшейся твоим отсутствием и нашей разобщенностью. Преждевременная смерть Хлебникова, безнадежное падение Маяковского, моя полная изолированность, порождающая у меня состояние, близкое к закупорке лирических сосудов, — всего этого, вероятно, не произошло бы, будь ты здесь, — ты подлинный «отец российского футуризма», на моих глазах из ничего создавший мощное направление в русском искусстве»⁴. Видимо, это ощущение полноты бюджетлянского периода

---

⁴ Там же, с. 609.

и подвинуло Лившица в конце 20-х годов к созданию книги «Полутораглазый стрелец», то ли мемуаров, то ли исследования, то ли поэтической прозы. Название книги восходило к раннему тексту поэта «Люди в пейзаже» — попытке кубизма в слове.

«Полутораглазый стрелец» стал для Лившица возможностью пережить еще раз пережитое, а не просто пересмотреть прошлое с новой точки зрения. Это было сразу же замечено советской критикой, которая подвергла книгу суровой проработке. Между тем, «Полутораглазый стрелец» явил собой новый тип мемуаристики — поэтической, преображающей, к тому времени уже были примеры — мемуары А. Белого, параллельно с книгой Лившица выходили книги В. Каменского «Юность Маяковского» и «Путь энтузиаста». Вскоре однако развитие этого «жанра» было остановлено.

В целом можно говорить о пути Бенедикта Лившица, как о символическом (характерном) пути части русской поэзии первой трети века. Начиная как младосимволист, он прошел через постсимволистские течения к неоклассике и статусу поэта-переводчика. И закончил свой путь на сталинской дыбе в 1938 году. Его творчество открылось в полном объеме лишь через 50 лет после гибели.